

Ut pictura poesis:
образ творчества Симоне Мартини
в поэме Марио Луци
«Земное и небесное странствие Симоне Мартини»

Павел А. Алешин

Музеи Московского Кремля, Москва, Россия, paleshin@bk.ru

Аннотация. «Земное и небесное странствие Симоне Мартини» (1994) – произведение крупнейшего итальянского поэта XX в. Марио Луци, написанное им в 80-летнем возрасте. Живопись Симоне Мартини – одухотворенная, поэтичная, связанная с куртуазной культурой, при этом с мировоззренческой точки зрения еще в полной мере средневековая, медитативная – близка по духу поэзии Луци. Устремленность творческого взора к небесному, взглядываемость в мир *sub specie aeternitatis* – то, что роднит поэта и художника. «Подарив голос» сиенскому живописцу, размышляющему о своем искусстве, Луци говорит – таким образом – и о своей поэзии, т. е. живопись в поэме становится метафорой поэзии и шире – искусства вообще. При этом прекрасное знание произведений Симоне Мартини и ощущение духовной близости с ним позволило поэту создать удивительно точный и выразительный образ его творчества. Этому посвящена глава поэмы «Он, его искусство», рассмотрение которой и является целью статьи.

Ключевые слова: Марио Луци, Симоне Мартини, Проторенессанс, итальянская поэзия XX в.

Для цитирования: Алешин П.А. Ut pictura poesis: образ творчества Симоне Мартини в поэме Марио Луци «Земное и небесное странствие Симоне Мартини» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 1. Ч. 2. С. 256–270. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-1-256-270

Ut pictura poesis:
the image of Simone Martini's art in Mario Luzi's poem
"Earthly and Heavenly Journey of Simone Martini"

Pavel A. Aleshin

Moscow Kremlin Museums, Moscow, Russia, paleshin@bk.ru

Abstract. The poem "Earthly and Heavenly Journey of Simone Martini" (1994) was composed by a great Italian poet of the 20th century Mario Luzi when he was eighty years old. Simone Martini's painting, spiritual, poetic, rooted in courtly culture and at the same time reflecting a meditative and medieval worldview, is close in spirit to Luzi's poetry. The poet and the painter share the focus of their creative gaze on the Heavenly, viewing the world *sub specie aeternitatis*. "Giving a voice" to the Sienese painter, speaking on his art, Luzi expresses his views on his own poetry: painting in the poem becomes a metaphor for poetry and, more broadly, for art in general. At the same time, an excellent knowledge of the art of Simone Martini enabled the poet to create a surprisingly accurate and expressive image of his work. The purpose of the article is to analyse part of the poem entitled "He, his art".

Keywords: Mario Luzi, Simone Martini, Proto-Renaissance, 20th century Italian poetry

For citation: Aleshin, P.A. (2023), "Ut pictura poesis: the image of Simone Martini's art in Mario Luzi's poem 'Earthly and Heavenly Journey of Simone Martini'", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, part 2, pp. 256–270, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-1-256-270

«Земное и небесное странствие Симоне Мартини» (1994) – произведение крупнейшего итальянского поэта XX в. Марио Луци (1914–2005)¹, написанное им в 80-летнем возрасте. Сложно определить его жанр, но, пожалуй, вернее всего назвать его ли-

¹ Марио Луци – автор более 20 поэтических книг, первая – «Корабль» – вышла в 1935 г. С 1955 г. преподавал французскую литературу во флорентийском университете. В 1978 г. стал лауреатом премии Виареджо, позднее несколько раз номинировался на Нобелевскую премию по литературе. В 2004 г. был назначен пожизненным сенатором. Многие критики называют Марио Луци одним из главных представителей герметизма, хотя поэт считал этот термин надуманным. Его творчество сложно ограничить какими-то рамками, в нем прослеживаются различные влияния (от Данте и Бокаччо до С. Малларме и Т.С. Элиота).

рической или даже, ввиду его полифоничности, лирико-драматической поэмой. В основе сюжета – вымышленное путешествие сиенского живописца эпохи Проторенессанса. В предисловии автор пишет: «Симоне Мартини, согласно известным рассказам, умер в Авиньоне в 1344 г. Возможно, я нанес обиду исторической правде, или же нет, придумав это последнее странствие, предпринятое им по зову Сиены и его родного мира. С женой Джованной, братом Донато, художником, и его прекрасной и странной женой, тоже Джованной, их дочерьми и еще несколькими слугами он отправился в Италию. Каравану предстоял долгий и утомительный путь. Его сопровождал студент (предположим, богослов), возвращавшийся в Сиену после завершения учебы: более свидетель, толкователь и хронист, чем участник приключения. Написавший же все это – немного каждый из них и никто из них в частности. Заголовки в данном случае служат простыми пояснениями»². Надо отметить, что Марио Луци не совсем «придумал» это путешествие: возможно, поэт почерпнул идею из текста Джорджо Вазари, который в своих «Жизнеописаниях наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» ошибочно сообщал о возвращении художника в Сиену незадолго до смерти: «В конце концов они (Симоне Мартини и Липпо Мемми. – П. А.) вернулись в Сиену, на свою родину, где Симоне приступил к огромнейшей живописной работе над Портоне ди Камоллиа, многофигурному Венчанию Богоматери; но так как с ним в это время приключилась весьма тяжелая болезнь, работа осталась незавершенной, он же, побежденный тяжким недугом, отошел из жизни сей в 1345 г., к величайшей скорби всего города и Липпо, его брата (на самом деле Липпо был братом жены Симоне. – П. А.)»³. Предисловие прямо сообщает одну из главных тем произведения – возвращение к истокам, к началу, и речь идет не только о художнике, но и о самом авторе, ведь Сиена – город его детства.

Однако выбор главного героя – Симоне Мартини – обусловлен не только детскими воспоминаниями и не только схожей психологической ситуацией, в которой находится автор и в которой изображен в поэме художник: пожилой мастер, вспоминающий свое прошлое и размышляющий о жизни и смерти.

² *Luzi M. Viaggio terrestre e celeste di Simone Martini // Earthly and Heavenly Journey of Simone Martini, by Mario Luzi. Bilingual Edition / Trans. from the Italian by L. Bonaffini. With an Introduction by B. Cale. København & Los Angeles: Green Integer, 2003. P. 18 (перевод наш. – П. А.).*

³ *Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М.: Альфа-книга, 2008. С. 154.*

Живопись Симоне Мартини – одухотворенная, поэтичная, аристократичная, связанная с куртуазной культурой, при этом с мировоззренческой точки зрения еще в полной мере средневековая, медитативная – близка по духу поэзии Луци, которого можно отнести к тем поэтам XX в., чьи произведения, по словам О.А. Седаковой, написаны «ввиду Слова Божия»⁴. Сам итальянский поэт, не любивший, когда критики пытались ограничить его творчество какими-то терминологическими рамками, тем не менее всегда называл себя поэтом-христианином и говорил: «Я не человек церкви, но христианство заключено во всем, что я думал и писал...»⁵. Эта устремленность творческого взора к небесному, вглядываемость в мир *sub specie aeternitatis* – то, что роднит поэта и художника.

«Подарив голос» Симоне Мартини, размышляющему о своем искусстве, Луци говорит – таким образом – и о своей поэзии, т. е. живопись в поэме становится метафорой поэзии. При этом ощущение духовной близости с сиенским живописцем позволило поэту создать удивительно точный и выразительный образ его творчества. Этому посвящена глава поэмы «Он, его искусство», рассмотрение которой и является целью нашей статьи⁶.

Начинается она стихотворением «Куда ты ведешь меня, мое искусство?»:

Куда ты ведешь меня, мое искусство?
в какую далекую
пустынную обитель
вдруг бросаешь меня?

В какой рай благоденствия,
свободы и света,
искусство, ты меня переносишь своим волшебством?

⁴ См.: Седакова О.А. Четыре тома. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. Т. 2: Переводы. С. 542. У О.А. Седаковой речь идет о Р.М. Рильке, П. Клоделе, Т.С. Элиоте и П. Целане.

⁵ Цит. по.: *Mustari C.* Mario Luzi Poeta. Testimoni. URL: <https://www.santiebeati.it/dettaglio/95521> (дата обращения 22.04.2023) (перевод наш. – П. А.).

⁶ Перевод фрагментов поэмы Марио Луци наш. – П. А. Целиком наш перевод этой части поэмы см.: Отрывок из поэмы «Земное и небесное странствие Симоне Мартини» / Пер. с ит. П. Алешина // Артикуляция. 2021. Вып. 15. Май. URL: <http://articulationproject.net/11431> (дата обращения 22.04.2023).

Мое? Нет, не мое это искусство:
я занимаюсь им, совершенствую его,
открываю ему
человеческие тайны страдания –
к божественным оно готовит меня,
к тайнам пламени
и созерцания
в небесах, в которые я направляюсь.

О, мое непознаваемое состоянье!
мое неустойчивое воплощенье!

В этом стихотворении замечательно передано средневековое, еще несекуляризированное понимание искусства как чего-то превосходящего своего творца («Мое? Нет, не мое это искусство») и связанного не просто с иррациональным, а непосредственно и в первую очередь с божественным: «В какой *рай благоденствия, // свободы и света, // искусство, ты меня переносишь своим волшебством?»* (курсив наш. – П. А.). Это обращение к искусству задает тон остальным стихотворениям этой части поэмы, которые будут так или иначе раскрывать заложенные в нем идеи, на различных уровнях раскрывая образ творчества Симоне Мартини.

Произведения Симоне Мартини в поэме Марио Луци

Непосредственных описаний произведений сиенского мастера – экфрасисов – Марио Луци не создает, но в его поэме есть рефлексия о созданных живописцем образах. Как и другие части поэмы, глава «Он, его искусство» – это группа стихотворений, представляющих собой поток сознаний, голосов: главным образом слышна внутренняя речь художника и автора-поэта (иногда они сливаются в одно «я»), в одном стихотворении говорит Сивилла (о ней будет сказано ниже), но в стихах присутствуют – слышимо или неслышимо – Другие, т. е. те, к кому они обращаются или о ком думают, создавая полифоничность поэмы, о которой говорилось в начале. Так, например, Симоне Мартини обращается к Живописи (Искусству) и Сиене: «Куда ты ведешь меня, мое искусство?»; «Искусство, что мне освещает твой взор?»; «Живопись, я скучал по тебе...»; «Я теряю тебя, нахожу, // вновь теряю, мой город...» Тем не менее отсылки к конкретным произведениям сиенского мастера рассыпаны по тексту, и в некоторых случаях их можно легко узнать.

Во втором стихотворении рассматриваемой нами главы поэмы – пожалуй, самом экфрасичном из всех – дается как бы замысел, первоначальный творческий импульс знаменитой фрески Симоне Мартини с конным портретом кондотьера Гвидориччо да Фольяно в сиенском Палаццо Публико (ок. 1330):

Земля, еще далекая, пустынная земля,
изодранная северным ветром –
мул бьет копытом
по ее плотной корке.

Проходят
по ней, от города к городу
– он вспоминает – караваны торговцев
и пилигримы, идущие в Рим.

Проходят
порой в одиночестве
от замка к замку
на своих выраженных лошадях
капитаны
с мыслью о Сиене
и ее сложном государственном строе.
Я смогу, возможно, смогу
запечатлеть самого одинокого...
но и он уйдет
без следа – о, справедливая
благодать – по этим сверкающим равнинам,
много пережив и многое отдав,
словно и был он, и не был.

Здесь легко угадывается изображенный на фреске пейзаж: «пустынная земля, изодранная северным ветром», где проходят «порой в одиночестве от замка к замку на своих выраженных лошадях капитаны». Поэт как бы повторяет сам метод создания пейзажа, используемый художником. С одной стороны, предельная схематичность и слитность пейзажа: Луци и в начале, и в конце стихотворения обращает внутренний взор читателя к земле («пустынная земля», «плотная корка», «сверкающие равнины»). С другой стороны, как и у художника, у Луци акцентировано «последовательное и непрерывное разворачивание земной поверхности»⁷, земля – это вечная дорога, по которой всегда кто-то идет.

⁷ *Bunnet Б.Р.* Итальянский Ренессанс XIII–XVI вв.: В 2 т. М.: Искусство, 1977. Т. 1. С. 66.

Как справедливо заметил П. Вайль, эта фреска – портрет одиночества: «Гвидориччо в 1328 году одержал победу над Каструччо Кастракани (об этом славном кондотьере много пишет в “Истории Флоренции” Никколо Макиавелли). По Симоне выходит, что он победил один, один и освободил изображенные на фреске города. Это – самурайско-ковбойская поэтика. Она же – тема странствующего рыцаря. Человеческое самостояние в своем предельном проявлении»⁸. Это одиночество – не только героя, но и самой земли – передано в тексте Марио Луци.

В стихотворении «Тревожное пробуждение, ангельский...» угадывается фреска «Маэста» (1315, Сиена, Кафедральный собор) – еще один шедевр Симоне Мартини:

...Но она, лик цветущий
на стебле благодати,
господствует надо всем, овал
едва-едва
окаймленный пурпуром,
все в себе заключает,
сидя на своем троне
смирения и головокружения.

Мадонна представлена у художника настоящей королевой в окружении придворных, Прекрасной дамой (здесь важно вспомнить и современные Мартини стихи трубадуров), это воплощение в изящных, плавных округлых линиях и в светлой гармонии красок утонченных идеалов куртуазной культуры. Луци – не без воспоминания о средневековой поэзии – не просто сравнивает Деву Марию с прекрасным цветком, но называет ее так («лик цветущий на стебле благодати»), подчеркивая вслед за живописцем как изящество ее облика, так и его мягкость, плавность («овал, едва-едва окаймленный пурпуром»).

В другом стихотворении как бы дан собирательный образ, или, вернее сказать, передано общее впечатление от фресок с изображением сцен из жизни святого Мартина в церкви Сан-Франческо в Ассизи (1313–1318):

И теперь отдых его переносит
в древнее сердце его города,
суматошного из-за праздника.

⁸ Вайль П. Последний трубадур. URL: <https://goo.su/JXptjd> (дата обращения 22.04.2023).

И он теряется
 – это все еще я? –
 то на одной, то на другой
 обезумевшей улице,
 завлеченный в сети
 придуманных и настоящих страданий,
 он вспоминает – некоторых из них он снова видит
 со вздохом колеблющимся
 между памятью и ощущением –
 тех, кто воспламеняли вместе с ним
 жизнью эти высокие дома
 и принесли туда смерть,
 поселили вечность в этих комнатах.
 Время, он чувствует это плотью,
 полное ими и пустое без них
 все уравнивает внутри себя,
 но не уничтожает,
 всею
 этою бренностью оно прославляется
 и кротко ее прославляет. Город. Башни.

Обратим внимание на строку: «это все еще я?» – Марио Луци, безусловно, было известно, что в композиции «Чудо воскресения мальчика» из этого цикла имеется предполагаемый автопортрет мастера (человек в синей шляпе).

Несколько стихотворений связаны с образом Девы Марии, столь благоговеино воплощенным Симоне Мартини:

...сияет чудесная согласованность.
 В это мгновение
 – золото и ляпис-лазурь –
 помоги мне, Мария, я запечатаю тебя
 во славу твою,
 во славу небес. Да будет так.
 («Мгновение...»)

Все затмевающие золото и ляпис-лазурь – как тут не вспомнить нежнейшую «Мадонну» из Государственного Эрмитажа (ок. 1340)?

А в следующих строках как будто различим не только голос художника, но и стремительный порыв ангела, который, подобно нему, обращается к Богоматери в позднем произведении Симоне Мартини «Полиптих Орсини» (ок. 1333–1337), в котором столь явно выражено влияние искусства северной готики:

Другое стихотворение связано с алтарным образом «Благовещения», написанным Симоне Мартини в 1333 г. совместно с Липпо Мемми, в нем удивительным образом в речь Мартини/Луци встроена реплика Другого – первая строка воспринимается как слова Девы Марии:

ISSN 2686-7249 RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies,
2023, no. 1, part 2

и его неясном предназначении.
но сейчас? они разливались
без покровов лжи
и глупости. Magnificabo.
Magnificabo te.

Однако если у Симоне Мартини запечатлено мгновение потрясения Марии, услышавшей приветствие архангела Гавриила: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою» (Лк. 1:28) (и эти слова непосредственно изображены на алтарном образе), «она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие» (Лк. 1:29), то у Луци она как бы вспоминает о приходе божьего посланника, проникая в смысл сказанных им слов: «Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнёшь во чреве, и родишь Сына, и наречёшь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречётся Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк. 1:30–33). При этом алтарную картину и стихотворение объединяет не только сюжет, но и общий образ распускающейся лилии (символ чистоты Марии и напоминание о весне).

Ut pictura poesis

Использование ассоциаций на содержательном уровне служат одним из способов создания обобщенного образа творчества Симоне Мартини в этой главе поэмы Марио Луци. Поэта больше интересуют не конкретные образы, но сам процесс их создания, и, описывая его, он удивительно верно характеризует стиль сиенского мастера, «исполненного стремления к высшей, но недостижимой красоте», мастера, для которого основным средством художественной выразительности являются линия и свет:

Сон, черная река, –
он погружает в нее свою температуру
ради пламени зари,
которое воспламенит, он надеется,
завтрашний день –
Окутаны мраком
бирюза и кармин
в баночках и мисках,
их вбирает

ночь в свое лоно,
соединяет их с материей мира.
Будут ли они – мысль мучает его
лишь мгновение, лишает покоя –
готовы ответить на зов,
когда в окнах едва забрезжит
рассвет, и после,
когда ворвется
и засверкает под сводами нефа
полдень –
и судьба
красок, как и его судьба,
неясна или же пробуждение
для них несомненно,
свет не обманет их,
не предаст? И пребывают
в материи
краски
или в душе? –
фантазирует
или проникает в сущее
его разум?
в паузе
начинающейся ночи
он теряет
и вновь обретает нити
искусства и дня...
Освобождается
вместе с ляпис-лазурью
золото из его шкатулки, да,
но, неуверенный,
он сдерживает чудо, –
превращение золота
в свет, в сияние,
будет ли дано ему в полной мере? Обретет ли
достаточно благодати
для такой тончайшей духовной алхимии?

Он засыпает,
падает в бездну,
какая глупость
– он чувствует –
эта мысль, как упряма эта тревога.

не расшифровывал смысл, проходила невредимой
сквозь его творение тайна.

И это искусство, понимаемое как дар, причем не только в смысле того, что получено, но и того, что предполагает от получившего его дарение в ответ:

В какой точке
 заложено разделение?
в какой оно трепещет?
меня и моих красок,
искусства, бывшего моим,
и меня и моих тревог?
Радостная свобода, ожидающая
за пределами соблюдаемых правил
нас, художников, и нашу работу.
Чистейшей она возвращается в разум Бога
в неопределенность – мы.

Загадка Сивиллы

Несколько стихотворений из рассматриваемой нами главы немного выделяются на фоне остальных. Это те стихи, в которых так или иначе присутствует образ Сиены. Важно понимать, что творчество Симоне Мартини для Луци – своеобразное концентрированное воплощение столь любимой им художественной культуры Сиены. Сам город – тоже персонаж поэмы: это не только цель выдуманного путешествия мастера, это еще и его родина, о которой он думает порой как о живом существе:

Сиена смотрит на меня
 всегда на меня смотрит
со своей вышины далекой
или с вышины памяти
и – словно потерпевшего кораблекрушение?
словно перебежчика? –
бросает меня навстречу
 течению
своих холмов,
кидает мне в грудь этот ветер,
пронзает ее временем –
и время мое безвольное

окольно устремляется к ней
 из глубины моего детства,
 из глубины моих мертвецов
 и всех едва
 мне памятных существований...
 И мы все еще –
 я и она, она и я –
 одиноки, пустынно.
 Ради нашей последней любви? – Конечно.

Осознание важности образа Сиены позволяет лучше понять самое необычное стихотворение в этой главе поэмы, под заглавием «Сивилла». Сивилла здесь – это одна из мозаичных сивилл на полу Сиенского собора:

...И вот она,
 белеет
 вместе со всем своим веком,
 ее источает
 незапамятный
 обычай мира.
 Вот она, у нее нет крови,
 в ее жилах – свет, впрыснутый зарею,
 разлитый полднем.
 Она прозрачна, она не существует.

В этом стихотворении – как и в других – два голоса: персонажа – одной из сивилл – и автора. Это, вероятно, сивилла Кумская – из текста ясно, что это пожилая женщина:

Что я оставлю вам, потомки?
 Смешно, некоторые называют
 меня колдуньей, другие,
 наоборот, матриархом...

Пожилой поэт, пожилой художник, пожилая сивилла (может, это одновременно и сама Сиена?) – все три подводят итоги. И для всех трех – здесь мы возвращаемся к началу наших размышлений – характерна устремленность взора к небесному, вглядываемость в мир *sub specie aeternitatis*, смирение перед бесконечным, но именно поэтому – еще восхищение воплощающей в себе это самое бесконечное красотой земной жизни:

...она вопрошает,
догадывается
и сама удивляется
чему? уже не тому, что внутри нее
темной цистерне,
хранилищу человеческих знаний,
сокровенному ясновидению
ни хаосу, ни случайности,
ни порядку или теории
предвосхищенных событий
но бытию – пусть отвечает
оно, отвечает
из своего сотворенного лона,
творящего тень и свет,
полноту жизни,
которую не разрушит никакое будущее
и не отдалит от своего центра – какое?
возможно, оно записано в нас,
в незнающем, шумящем рое...

Информация об авторе

Павел А. Алешин, кандидат искусствоведения, Музеи Московского Кремля, Москва, Россия; 103132, Россия, Москва, Кремль; paleshin@bk.ru

Information about the author

Pavel A. Aleshin, Cand. of Sci. (Art Studies), Moscow Kremlin Museums, Moscow, Russia; Kremlin, Moscow, Russia, 103132; paleshin@bk.ru